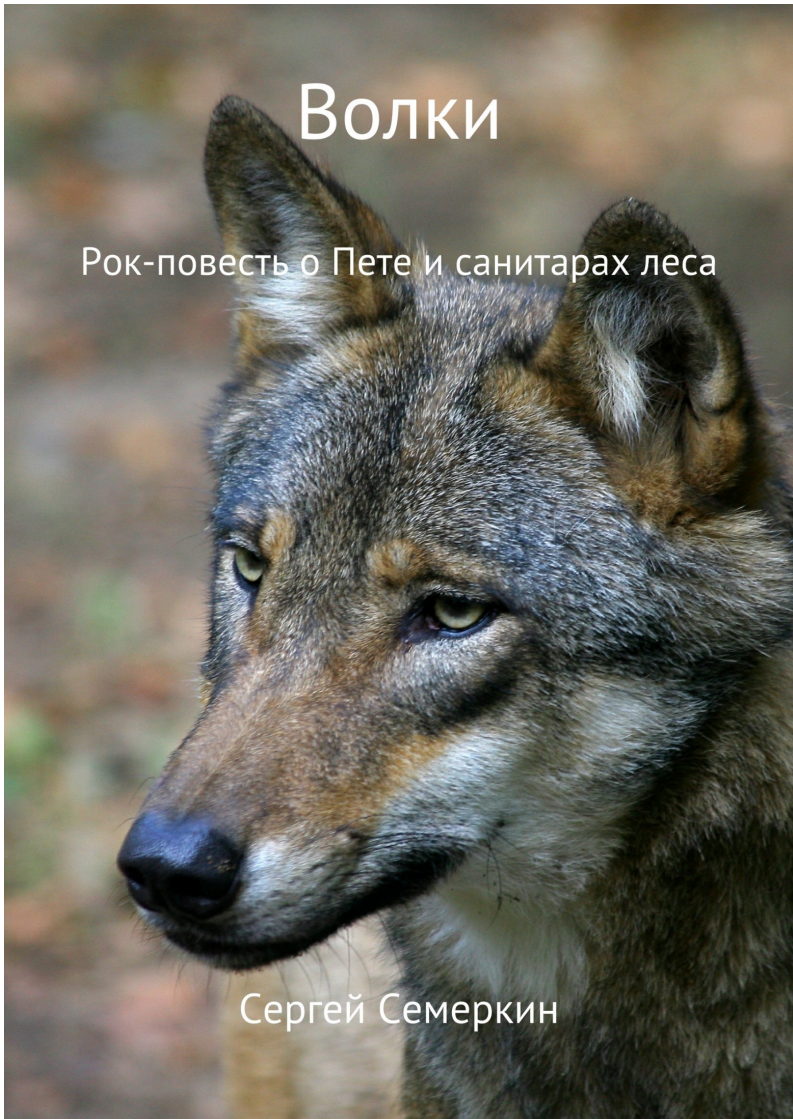

Волки

Рок-повесть о Пете и санитарях леса

Сергей Семеркин

Сергей Владимирович Семеркин

Волки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30474481
SelfPub; 2018*

Аннотация

Нет повести кровавее на свете, чем повесть о волках и Пете. Говорящие волки протестуют против строительства химкомбината в Приозёрске. Телепатический контакт с ними держит лидер рок-группы Corner Пётр Седых. Ему никто не верит – ни коллеги рокеры, ни журналисты, ни психиатр. Но вот на стройке химзавода проливается кровь и крови становится всё больше. Рок-музыканту придётся пройти через тюрьму и психушку, он начнет сотрудничать с ФСБ и напишет песню о выборах без выбора, женится и почти разведётся на почве неуставных отношений с поклонницами и... Внимание, в тексте есть сцены насилия, секса и безбашенного рока. Содержит нецензурную брань.

Посвящается Альбине Весне

Из-за гор с востока поднималось Солнце красное, а асфальтовая дорога уходила в даль прекрасную. Прямо сказка – яблочко да на тарелочке. Так и встретил ещё один рассвет в командировке Пётр Николаевич Седых, не совсем осознанными глазами он жмурился через чёрные очки на червлёный шар. Ему не стукнула под ребро сороковая весна, а выглядел он гораздо моложе и при стройности его до сих пор в очередях и в общественном транспорте называли молодым человеком, а не мужчиной, друзья же, а также коллеги по работе в средствах массовой информации и собутыльники называли не иначе как Петя. Тут будет уместно из 2016-го года перенестись в 1935-й и вспомнить симфоническую сказку для детей «Петя и волк», написанную Сергеем Прокофьевым (почему – станет ясно чуть позже). Роскошные волосы журналист на висках модно выбривал, а сзади отпускал и мог заплести в косичку или стянуть повязкой. Кроме работы в информационном агентстве «Россия онлайн» – чтобы с голоду не умереть – он ещё играл в рок банде *Copner* (уголок, а не угловой, как думали многие футбольные болельщики) – и это было в его жизни главное. Седых мог себе позволить прийти в кожанке на пресс-конференцию губернатора, если после мероприятия он шёл пить водку и играть старый добрый рок. А что, тут вам Урал, а не какая-нибудь гламурная Москва. Никаких хипстеров, смузи-мать их едрить!

Петя сладко потянулся, повернулся и посмотрел, кто ещё не спит в салоне микроавтобуса. Не отдалась Морфею Татьяна, с которой они намотали вместе в подобных пресс-турах не одну тысячу километров и выпили столько крепких и креплёных, а также разбодяженных напитков, что диву даёшься, почему до сих пор не переспали, хотя засыпали в обнимку не раз.

– По кофейку? – предложил Седых.

– Давай! – согласилась Елисеева.

Петя метнулся к водителю:

– Михалыч, тормозни, плиз, рядом с кафешкой на холме, а то люди без кофия помирают. Водитель по-доброму улыбнулся: «Чай не умрут с похмелья!» Но всё же притормозил. Вывеску на тошнилровке не выключили с ночи и из четырех буквы слова «кафе» призывно горели лишь «фе». Вылезающие из микроавтобуса заспанные люди разделились на три потока – одни потрусили к туалету, вторые стали глотать сизый дым сигарет, а обжоры и кофеманы двинули к прилавку. Таня взяла кофий чёрный, а Петя бухнул в одноразовый стаканчик три ложки сахара и молока без меры налил.

– Ты бы хоть размешал.

– Нормуль! – блаженно улыбнулся он, прихлёбывая сладкую светло-коричневую субстанцию. – Мозгу нужны быстрые углеводы.

– Ты когда женишься, спринтер? – подколола Елисеева.

– Не дождётесь! – бодро отбил выпад Седых.

– У вас же с Вестой всё хорошо?

– Вот именно хорошо! Зачем жениться? – некоторых вопросов бытия Петя искренне не понимал.

– На свадьбе погуляли бы...

– Вот ты замуж и выходи... в который раз, кстати?

– Щас как дам больно!

– Давать надо приятно...

Ещё долго продолжались подобные хохмы, убивающие время, потом разговор вышел на конструктив.

– Что-то я не пойму этот проект – финансирует наш госбанк, строят китайцы, а всю бодягу мутят японцы. А в чём смысл? – спросил больше рокер, чем журналист.

– Химический комплекс возведут, будут из нашего газа какую-то хрень делать.

– А руда зачем? – быстрые углеводы дали о себе знать.

– Рутений будут добывать, он нужен в качестве катализатора для реакции.

– Мутно всё.

– Да тебе-то какая разница?

– Да задымят всё, потом дети двухголовые будут рождаться!

– Ты же ещё ни одного отпрыска не настругал!

– Я готовлюсь, мне процесс нравится, – Петя улыбнулся, дальше они прихлёбывали кофе молча.

Зелёная стоянка закончилась, последние бычки отправлялись в урну, журналисты стали забираться в салон и рассасываться.

живаться по своим местам. Серебристый микроавтобус тронулся, впереди ещё трястись километров сто по хорошим дорогам и сорок по плохим. Эти кэмэ душу вытрясут так, что ни один пресс-релиз в голове не уляжется.

Ситец неба синий и камуфляжная зелень леса. Места знатные! Жаль будет их портить трубами мега-комбината. Прибыли на место. Корреспонденты перекусывали, операторы курили, а, немного придя в себя, народ разбрёлся кто куда, кто-то снимал перебивки, кто-то окрестные пейзажи, а Пётр нашёл местного жителя. Ну что скажет главный строитель? Как чебурашка будет жевать штроим-штроим-и-поштроим-в-срок. Что скажет заказчик проекта? Будет вещать, когда комбинат выйдет на проектную мощность и сколько выдаст на гора и за сколько лет окупиться. Что скажет губернатор? Как этот проект важен для автономной области и сколько рабочих мест здесь будет создано и сколько налогов собрано. Скукотища.

Отец всегда говорил, одари человека, нащупай его любимую тему и слушай. Сын урок усвоил, посему дал закурить седому мужичку-боровичку, отдал всю пачку мальборо («Берите, берите!») и стал спрашивать про погоду, про самогон и про житиё-бытиё. Узнав много нового про то, как из подручных средств сварганить мировой первач, Пётр выведал и про здешние особенности. «Волки у нас балуют!» – выложил бодрый загорелый и морщинистый абориген. Волки. Царапнуло по сердцу слово. Это в мегаполисе можно уме-

реть на зебре, переходя улицу на зелёный свет (в России каждый третий погибший в ДТП пешеход расстаётся со своей жизнью именно так), а в таком глухом углу можно со своего угла выйти в ближайшую деревню к автолавке за хлебушком и тебя разорвут на части мощные челюсти серых четвероногих. Ничего личного – просто пищевая цепочка замкнётся.

И вот настал тот самый момент рабочего дня, ради которого вставали в рань и несколько часов тряслись на колдоёбинах (не путать с обычными выбоинами). Высокие гости заложили камень в фундамент будущего химического гиганта. Как следовало из пресс-релиза с картинками, на комплексе будут широко использованы зелёные технологии, даже геотермальную энергию изловят и пустят на нужды народного хозяйства, а вредных выбросов – ноль, ну почти ноль. Камень закладывали вип-японцы – те, кто отвечает за технологию, вип-китайцы – те, кто всё построит и смонтирует комплекс под ключ, наши вип-банкиры, те, что даже в кризис нашли свободные деньги и удержались от вывода средств в оффшоры и, конечно, губернатор Черных, который в отличие от прошлого ворюги, радел за нашу тьмутаракань.

После закладки и до фуршета настало время задавать вопросы. Корреспонденты, специализирующие на химии, спрашивали про рутений. У Пётра в школе с химией как-то не сложилось, хотя химичка нравилась, у неё были такие большие... глаза и обтягивающие эти... глаза кофточки. И если воду в виде молекулы, состоящую из атомов кислоро-

да и водорода он представить ещё мог, то всякие гетерогенные реакции (говорят, сама жизнь теплокровных относится к ним) – уже с трудом, а точнее никак. Корреспонденты, заточенные на экономику, спрашивали про деньги, кто и под какие проценты дает кредит, за сколько лет окупится проект и так далее. Седых жил от зарплаты до зарплаты или от платного концерта (а бывают почти бесплатные, когда работаешь за бухло и жрачку) до другого концерта. Сумму в миллиард рублей и тем более долларов он визуализировал с трудом, а главное не знал, что с таким деньжищами делать. Зато Пётр отличался галантностью и взял диктофон у как всегда опоздавшей Елисеевы (она брала эксклюзив у одного из наших удашливых бизнесменов, которого фиг поймаешь в городе и до которого не дозвонишься через приёмную) правой рукой и вложил его в левую вытянутую руку рядом со своим диктофоном – так сони и олимпус соединились. Когда пресс-секретарь губернатора – прекрасная и строгая блондинка Алёна Михайловна Северова уже заворачивала подход к вип-телам к финишу. Женщина – огонь, хотя с виду – лёд, в обтягивающем костюме строгом и очках, многие мужики представляли Алёну в этих очках в таком жёстком порно... но если кто её на постели в этих чёрненьких очёчках и видел и не просто видел, а ещё и трахал, то об этом прессе не рассказывал. Короче пресс-подход завершался... Тогда Седых сделал шаг вперёд и хорошо поставленным голосом, который невозможно замодерировать и которым можно достать со сцены

рок-концерта до трусиков девок в последнем ряду у глухой стены, спросил: «Уважаемый господин У И, местные люди говорят, что в лесах тут бродят волки, ваши строители не боятся волков?» У И – главный из делегации китайцев, что в этих двух буквах фамилия, а что имя Петя не знал, поэтому сказал и «У» и «И». Переводчик транслировал с могучего русского языка на ещё более могучий китайский. Лицо У И не изменилось, но он несколько менее уверенно, чем обычно посмотрел на губернатора. Черных подачу принял и рассыпался бисером – как горох, нет, как пули из пулемета Максим со скоростью 600 (а в рекламе и до 666) убойных свинцовых шариков в минуту – слова его летели об экологичности здешней природы, которой комбинат не нанесёт вреда, о важности сохранении флоры и фауны. В Первую мировую пехота не смогла бы прорваться сквозь такой плотный огонь. Китаец что-то прочирикал в довесок. Переводчик секунду напрягал мозг и выдал: «У китайцев есть поговорка: «Волков много, а мяса мало». Но глава корпорации ... (непроизносимое название) У И говорит, что здесь и сейчас уместнее русская поговорка: «Волков бояться – в лес не ходить». Пётр улыбнулся и кивнул, что должно было сообщить смело китайцу: «Спасибо, уважение!» Но это лишь вежливость, на самом деле, он спрашивал серьёзно, а ему тут поговорочки впарили, к тому же русскую он знал с детства, более того, он жил рядом с лесами, где обитали волки. Так что вопрос не закрыт.

Уф... отработали. Теперь главное в командировке – фуршет! За щедро накрытыми столами журналисты кушали и пили, точнее, пили и кушали. Подавали хороший коньяк, виски, водку для граждан, шампанское и вино – для гражданок. На закуску – мясо и рыбу для всеядных и зелень для травоядных. Петя жажнул коньяку и пошёл в туалет. Синие кабинки ему не приглянулись, там нужно голову пригибать, да и вообще в желудке стало так горячо, ну не ссать же в этих пластиковых вертикальных пеналах. До зелёнки – далеко, но русские люди упорные – Седых двинул в лес, он не стал заходить далеко, за первым же деревом он потянулся к ширинке и тут веки сыграли с ним злую шутку. Петя моргнул, обычное дело, мы не замечаем подобных естественных физиологических движений, как не замечаем биения сердца, чтобы услышать пульс надо поднести к уху ракушку – шумит в ней не море, шумит – ваша кровь. Кровь ударила в голову Пети. Мгновения назад лес был просто лесом, Седых моргнул и – вдруг! – увидел волка, которого раньше тут не было, да и не могло быть вообще. Слишком большой волк, таких показывают в сериале «Игра престолов». Лютоволки, кажется так у автора цикла романов о льде и пламени. Но то выдумка, а тут... Серо-серебристая туша в холке почти доросла до груди Седых. Такого роста иногда достигают доги, но таких мощных догов не бывает. Потянувшаяся к ширинке рука замерла. Наступило полнейшее осознание того, что убежать не получится.

Гляделки со смертью Петя выдержал, он не отвел взгляд, он не сдал назад, он не побежал, он не залажал. Будь что будет. Волк не моргал, Петя тоже не моргал, не моргал целую вечность. «Скажи своим, что это наша земля» – тихо так и напористо. Контакт. Без слов. Телепатия, блядь! «Хорошо!» – ответил Петя вербально ибо человек привыкает общаться словом, а не мыслью. И моргнул. Волк исчез. Седых некоторое время смотрел на сосны, ели и какие-то другие деревья и не видел за ними леса. На автопилоте он развернулся и на бредущем пошёл на базу, где с каменным лицом прошел мимо охраны вип-людей от простых людей и затёрся в вип-вагончик типа «М и Ж». Там, сделав свои малые дела, он столкнулся с главным японцем. Японского Петя не знал, поэтому на ломанном английском попытался объяснить, что волки тут большие страшные и людей едят. Наверное, вид Пети был страшен, потому что за ломанным английским не прятался волк, настоящий волк и этого волка хотел Седых донести до гостя из страны восходящего солнца! Японец несколько побледнел, но надо отдать должное потомку самураев – ни пяди пола около рукомоёника он белому русскому варвару не сдал. Так Петя руки и не помыл, но прыснул их уже за столом водкой – лучшее дезинфицирующее средство. Коньяк уже кончился, в коммунальной квартире клювом не щёлкают! Пришлось перейти на родимую.

– Ты чо какой смурной, как будто приведение увидел? – поинтересовалась Татьяна.

– Так, вследнулось что-то, вот кровь от лица и отхлынула, – ну не про волка же рассказывать.

– Не бережешь ты себя! – заботливая русская женщина налила Пете ещё одну стопку.

Продолжили в микроавтобусе. Когда окружающий мир стал темнеть, Петя позвонил Весте. Минут пятнадцать он горячо объяснялся в любви, остаётся невыясненным, на какой минуте пропала связь (микроавтобус заехал в низину). Пришлось перезванивать и орать про любовь ещё раз. Теперь можно было пить, не боясь не выговорить длинных слов. На остановке взяли закуску, потому что награбленное с фуршета еда закончилась. В качестве одной из простых закусок использовали крабовые палочки (их делают отнюдь не из крабов!) Взяли те, на которые указал наманикюренный палец Татьяны, а не другие, потому что те были хуже, по авторитетному мнению Елисеевой. Не ошиблись, палки пошли на ура. Постепенно ёлки за окном микроавтобуса всё больше смазывались и смазывались, пока не превратились в зелёные сплошные полосы.

– Ты такой клёвый, – проредила Татьяна своими пальцами хайер Седых. – Вот не пил бы и не блядствовал, вышла бы за тебя!

– Кто блядствует?

– Давай не рассказывай, как тур по городам, так трахашь всё, что движется. Да с тобой же в двух презервативах страшно ебаться!

– Всё под контролем!

– Бедная Веста... – никакого сочувствия в этой фразе не содержалось.

– Я её люблю, а то, что на концертах – остаётся на концертах, – Петя включил мужскую логику.

– Вот все вы такие мужики!

– Да...

Выпили.

– Какая у тебя гладкая кожа! – Татьяна гладила щёку Пети своими пальчиками. – Вот мне бы такую! Тебе же за тридцать глубоко?

– Да уже почти сорок...

– И такая кожа, – пальцы все гладили и гладили. – Открой секрет, чем мажешь?

– Да ничем. Генетика от родителей...

– Обалдеть!

Стали целоваться. А что тут такого? Татьяна с каждой рюмкой становилась для Пети всё красивее и желаннее. Доехав до Приозёрска, выпили на посошок. За телевизионщиками прибыли редакционные машины. Пишущие и снимающие стали вызывать такси и (непьющее меньшинство) рассаживаться по своим авто, припаркованных у площади Ленина. Очень скоро на площади остался только Ильич в виде памятника и его тень от фонарей. Таксисту Петя дал столик и не забрал сдачи с 80 рублей – ехать было не далеко. Дома он долго не мог попасть ключом в замок. Распахнув

дверь он бросился... нет, не к любимой женщине, а в туалет. Ополоснув лицо после необходимого опустошения мочевого пузыря, он явился к ещё не спавшей глубоко за полночь Весте. Она протянула к нему руки и тут Седых дернуло. Он испугался так сильно, как не испугался тогда, когда увидел волка. Руки Весты превратились в мохнатые лапы... Он импульсивно дернулся всем телом назад. Так ни один прыгун вперёд не сиганёт!

– Ты что?! Ты что?! – заголосила Веста.

– А это что на руках?! – тоже на повышенных тонах заполюшил он.

– Да это же мехенди, дурак! Белая горячка что ли?

Да, это руки, это у неё обычные руки. И рисунки витиеватые и стильные. Петя решил про себя две вещи: ничего плохого не говорить про эти педальные мехенди и ни словом не упоминать про волка. Потому что он был в дурке – честно косил от армии в 90-е во время Чеченской войны, как и многие его друзья – и обратно туда, но уже по диагнозу настоящему, он не хотел.

– Клёвая прическа! – примирительно сказал мужчина и привычно потянулся к грудям женщины.

– Никакого секса, ты пил и целовался с какой-то блядью!

Он обнял и поцеловал куда-то в область ухо-горла-носа, а потом и в пупок попытался попасть, ведь чем пупок хуже уха? Он любил плоский животик Весты, её упругие ягодицы, длинные ноги... но разве можно расчленять любимую жен-

щину? Ведь так можно найти душу или не найти или найти что-то другое, короче эта какая-то мрачная диалектика. Петя вдыхал, мял, целовал, лизал и покусывал – никогда не надо слушать, что говорит барышня. Надо делать.

– Курила траву, – безошибочно определил Петя, он лет восемь как бросил и склонял к этому всех курильщиков. – Мехенди!

Они засмеялись и долго хохотали ни о чем и так же ни о чем обнимались и целовались... Седых не знал, что эта ночь по итогам не будет такой фееричной, как она казалась сейчас. Тучи над его головой уже сгустились, скоро грянет гром...

Утром Петя проснулся от недоброго звука журчащей воды. С кислой физиономией он поплёлся в ванную и застал там любимую, красящую волосы. Веста меняла цвет и длину волос довольно часто и бескомпромиссно. Никакого сожаления по поводу прошлого своего образа она никогда не испытывала. Всегда двигалась только вперёд, чего иногда не хватало Седых, который любил посидеть на берегу озера и подождать, не принимая никаких решений при назревающем выборе – авось труп врага проплывет мимо, или дело само собой разрешится. А ещё Веста умная – её не нужно было просить выйти, чтобы любовничек смог облегчиться. А ещё она в меру стержовная, потому пнула коленом аккуратно по попе Седых, а ведь можно было аккуратно шлёпнуть ладонью.

Исторгнув лишнюю жидкость Петя понял, что сильно обезвожен и метнулся к холодильнику. Ничего не бывает вкуснее, чем минералочка с утра! Жить стало чуток лучше, но ни на йоту не веселей.

– Зачем красишься? – спросил он, оторвавшись от бутылки.

– Сегодня же у тебя концерт!

Не в первый раз рокер забывает о концерте. И не в последний. Вид полуобнаженной прелестницы возымел действие, Петя оставил бутылку, развернул к себе Весту (так Иванушка в сказке всегда разворачивал избушку... впрочем, аллергия дурацкая) и хорошенько зафиксировал её ягодицы, язык его вторгся в губы, а меняющая цвет своих волос зазноба не осталась в долгу. Что-то западало по ванной, не иначе всякие пузырьки и флакончики, назначения которых Седых никогда не понимал. Вон у него есть бритвенный станок, пенка и гель после бритья, и шампунь и это всё, ну ещё скраб для лица и всё, ну ещё крем для тулова и вот теперь окончательно всё, не считая, конечно, гигиенической помады от мороза (да, и настоящий рокер может пользоваться такой, ведь на Урале зимы суровые и от них губы трескаются, да и вся морда-лица скукоживается)... вот теперь окончательно всё, ведь пемза для обработки мозолей и натоптышей была общая. А у Весты имелось бутыленций сто и все для каких-то косметических целей. А ведь достаточно чуть приспустить полотенце – и мужик ваш со всеми потрохами!

Однако, хотя пятница – и самый лучший день недели – он таки немного рабочий. Посему Петя вышел из дома, с целью дойти куда-нибудь в центр и выпить кофе, благо они с Вестой и её фотостудией размещались недалеко от местного Арбата, который противоположной стороной упирался в площадь Ленина (равна длине Ленина, умноженной на его ширину). А кофе дома неминуемо снова закончился бы сексом и тогда рабочий день мог похериться окончательно.

– Пётр Николаевич Седых, – голос не спрашивал, он утверждал. Люди с такими внушительными голосами знают вашу подноготную лучше вашей тёщи.

– Так точно, – довольно бодро для ситуации ответил обладатель ФИО, обстановка вокруг располагала к коротким и точным ответам. Чёрная машина, крепыши в штатском, не самое время шутить или отвечать вопросом на вопрос: «А кто спрашивает?»

– Пройдёмте.

Один глагол, а как много он в себя вмещает (особенно для потомков тех, кто пережил Сталина и 1937 год)! Бывает, что всю оставшуюся биографию. Оказавшись в машине между двумя спортивными мужичками в штатском Седых стал припоминать, что было вчера, ведь его жизнь, начиная с позавчера и до рождения не могла привести к подобным последствиям (иначе его попросили бы проехать раньше – чугунная логика). Он мало что помнил, события минувшего дня сливались в какой-то фантазмагорический калейдоскоп. В ма-

шине стояла тишина, никакого рока... Петя не спрашивал, куда они едут, ведь и так понятно, что все знают – куда и привезут именно туда. Его также никто не спрашивал ни о чем, ведь и так понятно, что он расскажет всё там, куда его привезут. Оставалось любоваться пейзажем.

Привезли к Управлению ФСБ по автономной области. Петя впервые оказался внутри этого строгого здания сталинских времен постройки, в Третьем рейхе строили похоже. Фээсбэшники обычно не давали пресс-конференций и не отвечали на запросы, точнее просили прислать официальный запрос на фирменном бланке, что для онлайн-новостей равносильно отказу, ведь пока почта России доставит письмо из Приозёрска в Приозёрск и обратно...

Кабинет, стол, полковник. А ведь полковник – это высокое звание для органов безопасности. Над полковником – Путин фотографией на серой стене. Чего же Петя такого натворил?

– Садитесь.

Петя сел.

– Чай будете?

– Если можно.

Принесли чай с лимоном и сахаром в граненом стакане с изящным подстаканником (такие раньше были на железной дороге, а сейчас их там заменили блядскими белыми чашками). Петя раздербанил лимон ложкой, чтобы витамин С попал в стакан.

– Рассказывайте.

– Про что? – Петя выложил лимон ложкой из стакана и положил их на... а куда их можно положить? Под бдительным взглядом полковника он положил их... прямо на стол. Отхлебнул. Вкусный чай!

– Про волков.

Кажется, у кого-то из философов он слышал совет, что на любой вопрос про что-то можно – и это будет правильный ответ в любом случае – заявить, что это что-то существует.

– Волки существуют.

Под уже знакомым бдительным взглядом полковника ФСБ до этого горячий чай в стакане начал замерзать. Но и холодный чай можно пить, что Седых и сделал, некультурно прихлёбывая. Путин нейтрально на всё взирал со стены. Пауза затянулась. Будут бить – подумал Петя. Но его не били, на него вообще не оказывали никакого физического воздействия, его даже отпустили в туалет. Но это позже.

– Вы от себя про волков спрашивали или кто надоумил?

– Сам, по своей глупости. Ну не про миллиардные же кредиты спрашивать, я в этом ничего не понимаю.

– А про волков понимаете?

– На охоту ходил. Звери серьёзные.

Взгляд полковника подталкивал к дальнейшим признаниям.

– Вот я и спросил без задней мысли – не боятся ли наши китайские товарищи здешних волков.

– И всё?

– И всё.

Петя врал, но ведь никого в туалете кроме него и японца не было, и где Япония, а где ФСБ? Но оказалось близко, очень близко. Мир стал плоским, как деревня Гадюкино после сильного ливня.

– А почему тогда глава компании Митсубиси хэви обратился к Правительству Японии, оно прислало запрос нам и ситуация обсуждалась у него, – перст полковника указывал точно вверх, там на стене в принципе должен был висеть портрет Феликса Эдмундовича Дзержинского, но мы – топорыги – уже знаем, что там укрепили портрет Владимира Владимировича Путина.

Седых сглотнул. Никогда его тёмные делишки не достигали такой высоты. Он пошевелил ушами, благо их почти скрывали волосы и это не выглядело неучтиво в создавшихся серьёзнейших обстоятельствах.

– Я тогда уже был несколько не трезв. Да пьяный был, чего там...

– Это может быть признано судом отягчающим обстоятельством.

– Ну, что было, то было. И вот захожу я в туалет... – Петя показал рукой, с какой стороны он зашёл в сортир.

– Проникнув на охраняемую территорию...

– Это вам виднее, а я просто в туалет зашёл по малой нужде. Справил я её, уж простите за подробности.

– Ничего-ничего...

– ...и японца встретил, он как раз руки мыл. Тогда я его и спросил про волков.

– Просто так?

– Конечно! Точной формулировке не помню, я очень плохо говорю по-английски.

– А по-японски?

– Совсем не говорю. Ну знаю, аригато – спасибо по-ихнему. Я и спросил его – не боится ли он волков?

– А почему японец утверждает, что выглядели вы – цитирую: «демонически страшно»?

– Демонически? Я? – Петя изобразил Швейка, с похмелья получилось плохо. Он никогда не умел играть, он умел только жить.

Вот тут стало кристально ясно, что в этом кабинете вопросы задаёт не Петя.

– Лицо у меня такое, какое есть. При разговоре с японцем тона я не повышал. Даже, по-моему, улыбался.

– Это зря.

– Наверное.

– А про острова не спрашивали?

– Нет, они же в гостях, тем более химический гигант у нас строят. Я же понимаю всю важность...

– Непохоже.

– Ну, не до конца понимаю... но никаких диверсий не готовил, про волков спрашивал из чистого любопытства. У них

же нет волков. А у нас есть.

Пауза.

– ...волки – это же страшный зверь...

Далее два часа допроса о том же самом. По кругу. Круг – это замкнутый и изогнутый отрезок прямой. И вот к какой загогулине эта прямая вывела:

– Пётр Николаевич, вы представьте, к вам приезжают сотрудники полиции и у вашей сожительницы... (тут полковник назвал полное ФИО Весты, а ведь даже Петя его не знал) находят марихуану, а у вас на компьютере нелицензионные программы и вы получаете вполне реальный срок по одной статье, а она – по другой и более тяжёлой. И отправляетесь на разные зоны. Как вам перспективка?

– Совсем не радует, – Петя искренне погрузился.

– Так начинайте сотрудничать!

И Петя начал, он совсем не был революционером, крепким, как кремень. Да и из-за чего садится-то? Из-за шутки юмора? Из—за волков? Да пусть они сдохнут, как мамонты!

Но сотрудничал Седых совсем не так, как хотелось людям в штатском. Подельников он своих не выдавал – якобы их не имелось. Шпионом западным не объявлялся. Да он им и не был, органы об этом знали. Явки, пароли... да какие у этого рокера недоделанного явки? Вот триппер или сифилис – может быть...

Через вечность и ещё один аккорд глас с небес произнёс:

– Можете идти...

И Петя пошёл. Муторно было у него на душе, когда он вышел из здания ФСБ. А мир шумел, как ни в чём ни бывало. Светило и пуляло золотыми лучами солнце, люди торопились куда-то. Автомобили шныряли туда сюда... А он... а что он? Проверил сотовый. Десять непринятых звонков из Москвы. Десять! Как это они только встали в такую рань? На поставленном в беззвучное состояние смартфоне (контент изъяли кудесники из соответствующего отдела службы безопасности) высветился ещё один вызов. Седых ответил. Его предупредили, что с ним будет разговаривать директор агентства «Россия онлайн». До этого шефа Седых никогда не видел и с ним не разговаривал.

– Слушаю.

– ...

– Не отвечал на вызовы, потому что находился в ФСБ.

– ...

– В фэ-эс-бэ! – Седых рявкнул так, что люди вокруг оглянулись на него.

– ... – на него тоже рявкнули неслабо.

– Не могу рассказать, подписку давал.

– ...

– Да не специально я про волков...

– ...

– Понял.

– ...

– До свидания!

Но трубку на том конце уже повесили. Петю уволили без выходного пособия. По его собственному желанию. «Ну ладно, на море можно будет поехать... – подумал рокер-оптимист. – А когда кончатся деньги, устроюсь куда-нибудь». Навивный уральский юноша! Сейчас нет кочегарок, где можно тихо кидать уголёк в топку, мир стал открытым и плоским, как тесто под скалкой...

Каким-то образом информация о скандале в верхах, вызванном уральскими волками и каким-то местным журналистом, дошла до федеральных СМИ. Пете стали звонить коллеги – местные, знакомые и федеральные, имена которых он только слышал и которых только видел в телевизоре. Из «Эхо Москвы» раздался звонок и Седых пояснил, что действительно спрашивал про волков у китайца (о японце – молчок, договор с ФСБ в силе) просто так из любопытства. Нет, ни о каком возможном срыве многомиллиардного контракта он не слышал. Да, он уволился по собственному желанию из информационного агентства «Россия сегодня». Причина простая – хочет сконцентрироваться на работе в группе Corner. Кстати, сегодня концерт... но ни группа Corner, ни сам Петя журналистов не интересовали. Им нужен был конфликт и скандал. А вот с этим у Седых в закромах плохо. Он вообще неконфликтный человек. Да, дрался, но всегда из-за женщин или после команды «Наших бьют!» А так чтобы специально лезть на рожон – никак нет. Конечно, на Эхе из его нейтральных слов сделали вывод, что он чуть ли не бо-

рец с режимом (благо фотки вКонтакте у Пети были сугубо рокерские и никаких постов, как он любит партию, правительство или президента, а за что их любить? Они же не Родина!) и его уволили за акцию против строительства химического комбината, который должен вконец разрушить экологию Урала. Подписчиков в соцсетях у него прибавилось в разы, а в сотовом телефоне стали слышны какие-то посторонний звуки. Но, если у вас паранойя, это ещё не значит, что за вами не следят.

Перед концертом пили коньяк и заедали его яблоками. Как выразился изрядно татуированный барабанщик Шершень: «Кони́на в яблоках». Естественно рок бандиты спросили, что случилось с их солистом и почему его наглую морду показывают по всем каналам и в сети, а их не менее рокмонструозных – нет. Петя честно признался, что он ни хуя не понимает. На этом потенциальный развал группы замяли и даже наоборот сплотили ряды. А как всегда опаздывающий басист Роджер принёс ещё бутылку конины. И это очень кстати, ибо к этому моменту горячка дискуса иссякла.

А сразу после очередного тоста подтянулась Веста и девчонки налили ей мартини.

– Ба, да ты блондинка сейчас! – заорали многие, в том числе и Петя.

– Ты же видел меня утром?! – не поняла «блондинка».

– Да? Да. Да! Похоже, у меня склероз, – вывел силлогизм рокер.

А ещё все выпуклые прелести и манящие изгибы Весты обтягивало новое короткое чёрное платье. Такое должно быть в гардеробе каждой женщины, но не каждой барышне идёт короткое чёрное платье. Особенно с чёрной кожанкой. Петя никуда не пустил любовницу – вцепился и усадил на колени.

А потом, конечно, усугубили и выпили ещё! И закрепили усвоенного коня в яблоках (ну, а кто-то мартини). Не сферический же это конь в вакууме, не для медитаций чай сделан.

Петя действительно чрезвычайно быстро стал забывать, причем забывал всё подряд. Волков, разговор с полковником ФСБ (ну, кроме того, что об этом болтать нельзя, это то он не забыл, хотя если всё забыть, то как об этом болтать?), собственное увольнение. Ему почему-то казалось, что всё идёт по старому. Пагубный инфантилизм улитки с разбитой раковиной. Улитке, даже не представляющей, что от её раковины ничего не осталось, а саму её выбросили на... но это уже какой-то блюз, а на повестке дня – рок!

Концерт в Доме культуры медработников начали бодро – Шершень начал адски барабанить, хуярил так, что чертям в аду тошно стало, Роджер так разогнался на сцене, что чуть не улетел в зал, спасла его только цепкая и длинная рука Толика (ритм-гитара), он вообще был самым ответственным из всей безбашенной Приозёрской четверки. Петя проорал их заводящие хиты «Тебе врут» и «Футбол – говно!» Потом что-то загорелось, оказалось – занялся огнём задник на сцене, в

него кто-то (видимо, женщины) затушили бычок. На сцену вырвался, как амурский тигр Боцман с огнетушителем (реально боцман на буксире и по совместительству завхоз, продюсер и крыша группы Corner). Он ловко сделал все положенные манипуляции с красным цилиндром, но тот не ответил взаимностью. Тогда Боцман просто ударил огнетушителем по заднику, тот порвался и тлеющую материю благополучно затоптали все участники группы, кроме Шершня, который вошёл в раж и мог хуярить по барабанам без оставной ноки, даже провалившись в седьмой круг ада. Зрители писали кипятком от такого забойного действия. Зал набился под завязку, прошёл слух, что Corner будет жечь и Corner жёг в прямом смысле этого слова.

Седых вспомнил. Когда он шёл на концерт с гитарой за плечами он увидел чёрную машину, в ней сидели крепыши в чёрных очках. Они видели его, он видел их. Они знали, что он знает. Он знал, что они знают, что он знает. И тут Пете вожжа попала под хвост. Он вышел к микрофону и сказал:

– Всем привет! (рев зала) Уже напились в буфете? (разрозненные крики, означающие «Да»). Дальше будет круче! (рев проверяет стропила на прочность, но их проектировал человек, знающий сопромат на пять) Вы знаете, что мы не играем каверы на концертах. Только на корпоративах и за большие деньги... (волна смеха прошла – сначала засмеялись те, кто понял шутку, а потом те, до кого дошло или те, кто не хотел показать, что он дурнее окружающих) Но сего-

дня мы исполним песню Владимира Семёновича Высоцкого
«Охота на волков».

*Рвуть из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять, как вчера,-
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.*

*Из-за елей хлопочут двустволки -
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.*

*Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.*

В зале запалили зажигалки, некоторые женщины плакали. В Приозёрске нет музыкальных критиков, которые бы посещали рок-концерты. Но по чесноку, в этот раз Седых спел так, что был бы в зале автор... они бы выпили коньяка! За кулисами только один несовершеннолетний поклонник рок-бандитов Митя знал, благодаря кому группа Corner чисто исполнила «Охоту на волков» без единой репетиции. Его грудь надувалась от осознания собственной важности, но к чести

Мити он никому – никому! – не проговорился.

Даже на видео немножко этого нематериального драйва передалось – очень плохом видео, ведь никто не берет на рок-концерт штативы, у половины людей со смартфонами трясутся руки, а кто-то до сих пор снимает вертикально (снимать надо горизонтально, ёлы-палы!) даже такая трясущаяся засвеченная картинка с никаким звуком набрала больше полумиллиона просмотров на Ютубе.

Состоялся домашний «совет в Филях». Петя намекнул Весте, что ей нужно избавиться от травы и любых веселящих и меняющих состояние сознания веществ, похожих на наркотики и не рекомендованных Уголовным Кодексом. Причём сделать это надо прямо сейчас. Матерясь и ругаясь на все силовые структуры и Петю в частности – ну при чем тут Седых, он же даже от армии откосил?! – Веста стала искать заначки и безжалостно их уничтожать. То есть она стала курить все косяки, которые доставались из самых неожиданных мест. Генеральная уборка из-за этого и ещё из-за секса затянулась на три дня. Положение дел осложняло и то, что нужно было избавиться от пиратских программ. Ладно, перешли на открытый офис, кое-что удалили, но вот...

– А как же фотошоп? – взвилась женщина, только халатик из черного шёлка не дал ей улететь в горный мир.

– Спокойно! Купим, – мужчина щедро готов был кидаться деньгами, лишь бы затушить разгорающийся пожар.

– А ты знаешь, сколько он стоит?

Петя узнал.

– Вот суки! – охарактеризовал рокер буржуев.

– А нельзя оставить? Всё равно же, захотят посадить – посадят.

– Да так то оно так, был бы человек, а статья найдется. Но смотри, подбросят нам что-то и за это упекут в цугундер – это уже их богомерзкое дело будет, а мы будем знать, что чисты. А вот если закроют по закону, из-за наших промашек – то это уже наш косяк.

– Да у нас ни одного косяка не осталось!

– Точно?

Порылись в запасниках и ещё кое-что уничтожили. Мужчина помог женщине, ведь для того мужчины и нужны – оберегать слабых и милых дам.

Не с первой попытки, но все же от фотошопа избавились. На всякий случай Петя стёр порноархив, правда он забыл, где тот лежит, благо Веста подсказала.

– Во у тебя память! – восхитился Петя и расцеловал любовницу.

Листки на календаре менялись, а ситуация – нет. И снова Пётр и Веста судили и рядили, капиталов на счетах имелось мало, но и отдохнуть нужно, а не только ипотеку за квартиру-студию платить. Порешили на компромиссном варианте: поедут на море, но не далеко и на лобстерах будут экономить. Как всегда план компромиссный не удался. Да, путе-

ка в Черногорию обошлась недорого – 50 тысяч на двоих. Но через Москву, а пока до неё доедешь, в каждом же городе знакомые и со всеми надо выпить. Причем знакомые не только рокера Пети, но и эзотерических дел мастерицы Весты – у неё в каждом городе какой-нибудь кружок Кастанеды по интересом, или этот самый трансёрфинг реальности, или очищение чакр, тут главное змея кундалини выпустить и куда надо направить, опять же астральные путешествия и осознанное сновидение... Седых на всё это «мракобесие» (боже упаси назвать Кастанеду мракобесом в присутствии Весты) смотрел сквозь пальцы. Чем бы девчонки ни тешились, лишь бы не забыли пригласить в случае лесбийских игр. Имелась у Петя давняя и нереализованная мечта поучаствовать в лесбийской групповухе и ещё чтобы все в разноцветном латексе. Но где такую организуешь в провинциальном и скучном Приозёрске...

Утомлённые нарзаном они всё-таки добрались до Первопрестольной, а там же всё дорого и такси и выпивка (запасов рассчитанных на Черногорию не хватило даже до Нижнего Новгорода). В общем, пришлось доставать из широких Петиных штанин заначку в виде долларов и менять их на рубли и тратить под мантры Весты, кои должны были привезти деньги к деньгам. Ни разу такого не получалось. Но ведь главное верить!

На авиалайнере летевшем в Черногорию на высоте почти десять километров Веста медитировала на добро. Она боя-

лась летать на самолетах. Медитация прерывалась при любых маневрах лайнера в воздухе. Веста вцеплялась в Петю и спрашивала: «Всё хорошо?» Седых как мог успокаивал любовь всей своей жизни. Но он и сам боялся полётов. Одно дело статистика: авиация – самый безопасный вид транспорта, не считая лифтов, и другое дело ощущения десятикилометровой пустоты под задницей. Чтобы было не так страшно Петя с Вестой пили коньяк из дюти-фри, загодя разбодяженный с колой. Третья соседка (ей досталось место у прохода, Петя сидел около иллюминатора, а Веста – посередине) подозрительно косилась на манипуляции, после которых парочка резко веселела. Сама она что-то смотрела по планшету, там постоянно кому-то рубили головы и кого-то трахали. Каждому своё.

Несознательные туристы после приезда и заселения идут в бар или дрыхнут, сознательные – бегут на море. Вот всё для радости в Приозёрске имелось – и пляжи песчаные и озёра чистые и леса дремучие и поля широкие, а моря не имелось в наличии. А ведь это море! Оно шумит, оно пенится, оно солёное, такое же, как наша кровь. А запах! Легко дышится на море, воздух рвешь ртом и вбираешь куски с мякотью полной грудью. На море живёшь всегда на полную катушку, хотя, если посмотреть на некоторых местных товарищей, то можно понять, что море их особо не волнует. Ну есть и есть, всегда было и всегда будет. Ах, как они ошибаются!

В первый же полноценный день Петя и Веста разведали

всё по местности – где магазин подешевле, где аутентичная точка общепита (никогда не нужно кушать в заведениях для туристов), где хороший бар, где базар и где барахолка. Уезжая, они передали эти ценные знания новоприбывшим. На второй день съездили в Дубровник. На два из одиннадцати дней выехали в Сербию, посмотрели на деревню, где проживал тот самый Кустурица, что и кино снимает и на гитаре лабает, но останавливаться там по деньгам выходило дорого, заночевали в хостеле, где царил настоящий интернационал, а из бутылки можно было бесплатно наливать столько местного самогона, сколько твоей душе угодно. Вот это по-нашему по-славянски! Вообще приятно оказаться там, где любят русских, не так много мест на планете подобных осталось. Раньше и в Турции всё нормально было, но закрыта Турция, как и Египет. Вот зачем самолеты наши взорвали? Простым людям от этого только плохо, но политики и террористы никогда не думают о людях. У них идеи и политическая выгода. Тьфу на их оба дома! Только один американец подколол: «Что это за страна Россия?» Петя тут же нашёлся с ответом: «Да такая маленькая страна, между Финляндией и Китаем». А далее пили и пели, сплетая в едином экстазе души. Хорошо в Сербии, но и в ней нет моря. Зачем разделили Югославию? Думали, будет лучше. Как и при развале Советского Союза людям лучше жить не стало. Да, теперь ни одно из независимых государств, не кормит «союз», только где предприятия? Закрылись. Объясните выгоду семьям, что

зарабатывали на них свою трудовую копейчку. Но не будем говорить за политику и вертеть фарш обратно в мясорубку. Мясо из него всё равно не сделаешь.

Судя по фотографиям, в Черногории они вообще не отдыхали. То есть фоток много – море, солнце, города, всякие коты и пёсики, пьяные морды... а вот Пети и Весты – нет. Ну не любят они фоткаться. Так что всё осталось только в памяти: Веста уходящая в море, выходящая из моря, просто в море, на песке, при волне, волна ударила Весту о песок (попой), большие глаза Весты, после того как волна ударила её попой о песок, Веста на лежаке загорает, Веста на лежаке обгорает, кожа, слезающая с лопаток Весты, Веста спит с эротично полуоткрытыми губами, простыня аккуратно сдёрнута Петей и теперь уже обнаженная Веста спит с эротично полуоткрытыми губами. Ну, парочку контрольных селфи сделали под дождём. Всё расплывчато и не в фокусе. И только после возвращения Михась из Сербии прислал фотку, где Петя и Веста стоят в обнимку, такую можно и родителям показать. Не зря ездили.

Возвращение оказалось жёстким и дело не в посадке самолета в Москве или поезде до Приозёрска. Оказалось, что Пете выдали волчий билет. Куда бы он ни обращался, на работу его не брали. С разными формулировками, но общим смыслом. Более искренние редактора тупили взор и говорили: «Ну ты же понимаешь, приходи попозже», более лука-

вые обтекаемо ввали, что штат укомплектован, вот буквально два-три дня назад взяли нового стажёра дурак-дураком, но надо же дать человеку шанс. Только Валерий Пермяков, редактор оппозиционной газеты «Озеро» сказал прямо: «Петя, могу взять в мой автосервис на Подлужной, хоть охранником, хоть ремонтником, колеса перебортовывать – дело нехитрое, быстро научишься. А в газету – не могу, меня взяли за жабры, крепко взяли». «Я подумаю, – сказал Седых, чуток подумал и добавил: – Спасибо!» И они жажнули вискаря, без содовой и всяких блядских закусок.

Петя, конечно, потыркался ещё туда-сюда, но везде его ждал полный и бесповоротный бесперспективняк! И уже автосервис не казался плохой картой на сдаче. Играть надо тем, что тебе раздали. Только шулер достает туза из рукава. А ещё терпение и труд всё типа перетрут... Но, по старой русской традиции Седых от решения проблем ушёл в мини-запой. В крутой штопор Веста бы ему сорваться не дала, а вот так мальчика подбукнуть уже утром, чтобы день не казался слишком сумрачным – другое дело. К вечеру Петя находился в некотором неустойчивом состоянии, которое так хорошо знают профессиональные алкоголики, они добавляют очень осторожно, чтобы улучшить, но не переборщить, а вот пьяницы – то есть непрофессионалы – не всегда чувствуют грань и могут, как лишкануть, так и недобрать градус на килограмм живого веса. Седых шёл на ощупь, он взял тёмного и светлого пива и начал осторожно с менее крепкого, а по-

том посмотрел, что дела не шибко хорошеют и тогда добавил тёмного, получшело, тогда малость усугубил... Пил он в дремучей части парка Горького и своими возлияниями не мешал мамочкам, гуляющим по аллеям с детьми. Собутыльников в пять после полудня позвать в парк не получилось, у трудового народа в это время конец рабочего дня. Не шибко молодой рокер очистил очередного жёлтого полосатика – пересушили рыбу, мать их еди! – и стал дербанить сухую рыбку зубами. Моргнул. Тут перед ним и возник волк. Знакомый волк, большой и страшный. Недожеванный полосатик вместе с неопределённым артиклем: «Блядь!» (в котором чувствовалось пивное амбре и слышалась легкая хрипотца) отправился в полёт и по законам сохранения импульса Петя отлетел в противоположном направлении. Рокер как сидел на скамейки без спинки, так с неё и сверзая в виде медленной ракеты на пивной тяге. Но к чести своей бутылку пива не расплескал – вот она в правой руке покоится. Благо упал не на асфальт, а на землю, а она всегда мягче асфальта, скамейку давно всякие забулдыжники оттащили от аллейки под ёлки, чтобы там в сумраке обдeldывать свои слегка нарушающие общественные порядок делишки. Волк в мгновение ока настиг Петю и лапы его уперлись в землю рядом с головой поверженного человека. Морда волка заканчивается носом, но человек, около которого чернеет нос волка, обычно сконцентрирован на другой части тела – на клыках, которые в рыке обнажили брылы или как там губы у волчар зовутся,

короче, очень явственно видно оскаленные клыки и они такие большие, что заслоняют остальной мир.

«Ты обещал» – отчетливо слова появились в голове. Телепатия рулит. Петя как всегда не противоречил очевидно-му и так же конкретно ответил: «Да». Челюсти стали неумолимо приближаться к рокеру, а земля под затылком никак не хотела уминаться, и, таким образом, нос Седых мог оказаться там, куда ему никак не хотелось попадать и только какая-то человеческая гордость или дурость не давала сигнала зажмуриться или отвернуться от смерти в виде четвероного серого хищника. Тут краем правого глаза Петя заметил второго волка, поменьше, похоже, самка. На публике играть всегда полегче, и Седых перешёл в наступление: «А что, я скажу? Волки против химзавода. Да кто мне поверит! И даже если поверят, то просто решат, что легко вас перестреляют. Велика важность – волки!» Громадный серый волк смотрел на глупого Петю и слова человека иссыхались, как шагреневая кожа, они теряли убедительность и силу под этим взглядом. «Мы будем убивать. Всех. Пока не поймёте. Скажи им это». Это был беспрекословный приказ. «Скажу, пусть меня в психушку упекут, но скажу, я скажу, мне что жалко – волки будут убивать всех! Всё понятно, как же иначе, стройке каюк и вся недолга!» – пообещал Петя, незаметно для самого себя моргнул и волки исчезли. Оба два.

Подготовленные люди могут встать из положения лежа одним движением тела. А Петя очень медленно и деликатно

приблизил к своим губам бутылочку пива и сделал глоток, потом так же тихонько он начал подниматься, допил бутылку и разбил её о металлическую часть скамейки. Пусть теперь волки побегают по осколкам. Глупость, конечно, они же не такие дураки, чтобы вернуться на место очередного контакта. Седых отряхнулся и двинулся по аллее к выходу из такого для него сейчас горького парка. Спрашивать у мамочек, не видели ли они двух больших волков, было так же глупо, как бить бутылку. Мальцы в колясках также не могли помочь. Придя домой, он сел за комп, благо Веста работала в фотостудии и машину не нужно было отжимать (давно пора купить второй комп, но не сейчас, не сейчас...), Седых что-то шептал про себя, отбивал ритм и печатал. Песня родилась за час и за два подхода к холодильнику, где охлаждалась бутылочка водочки. Градус повышать можно. И песню написать можно. Он разослал слова вКонтакте всем участникам группы Corner. Песня, цепляющая, как укус – вожак стаи настиг оленя, прыгнул и вцепился зубами в шею... Название соответствовало: «Волки!»

Очень скоро весь Приозёрск слушал по радио, в своих смартфонах, на магнитолах или за компьютерами новый хит, его даже федеральные радиостанции поставили в ротацию. Вот тогда – на пике – Петя и написал пост в социальной сети. За него придется отвечать, но позже, а пока на его страничке появилось обращение:

Друзья! Я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, чтобы ни говорили злые языки, у меня не белая горячка. Рассказываю всё, как было, без прикрас. Когда закладывался камень в основание нового химзавода ко мне в лесу подошёл громадный серый волк и вышел на контакт, разумеется, он не говорил человеческим языком, общались телепатически. И волк сказал мне: «Это земля наша» (та территория, на которой хотят построить химкомбинат) А потом уже в нашем парке Горького то же волк сказал, что они будут убивать. Всех. Пока мы – люди – не поймем. И что я должен донести эту информацию до людей. Ещё раз, это был не сон и не глюк. Настоящий волк, даже два (самец и самка, самец контактировал со мной, а самка просто стояла рядом). Если мне померещилось, пусть мной займутся психиатры. Но если всё это правда, то кровь строителей комбината будет на руках тех, кто не внял предупреждению волков. Пока не поздно – остановите стройку!

P.S. Отправляюсь к своему знакомому доктору-мозгоправу Александру Демидову на обследование. О результатах доложу.

Конечно, начались подколы, конечно припомнили белочку (белую горячку), всяк встречный-поперечный, который Петю как следует и не знал, мнил себя экспертом и ставил Седых диагноз. Тут пришла Веста, потёрлась носиком о щё-

ку и спросила:

– Что делаешь?

– Слушай, прочти вот это, а потом скажи своё мнение.

Веста стала читать. Никогда Пете не было так боязно за своё будущее. Нельзя, чтобы близкий человек тебя терпел из жалости. А без Весты... без неё жизни не было... секунды текли и текли, Петя накручивал себя и накручивал и чуть не перегорел... И тут страхи Седых провалились в тартарары.

– Ура, ты вступил в контакт! – завопила Веста, прыгнула на Петю и обняла его всеми конечностями и присосалась к губам и целовала куда ни попадя. – А я говорила!

Что говорила, узнали много позже после спонтанного секса на диване-полу-столу-и-снова-диване.

– А что ты говорила?

– Да ты разве не помнишь? Когда я ауру определяла по методу Маитзи, тогда и выяснила, что у тебя предрасположенность к контактам третьего рода!

Петя считал, что самое главное написано в Новом завете: возлюби Бога и возлюби ближнего, как самого себя. И всё. Всякая эзотерика – побоку. Но теперь, когда Веста не погнала его ссаной тряпкой из их квартиры, как окончательно ополоумевшего и допившегося до умопомрачения субъекта, а даже наоборот обняла и приняла таким, какой он есть... в общем, в этих пергаментях из разряда «не для всех» могла быть какая-то крупица здравого смысла. От полноты чувств Петя стал носить Весту на руках. И петь. Так они кружились

и пели и смеялись. Рай в отдельно взятой квартире. Толстой утверждал, что все счастливые пары счастливы одинаково. С классиком можно поспорить. Но зачем? Если носишь любимую на руках не до опровержения прописных истин от седых старцев.

Не откладывая неприятное дело в долгий ящик, Седых отправился к доктору-мозгоправу. Вот и кабинет Александра Демидова, хозяин в белом халате, крепкий, как танк Т-34, и спокойный, как тигровый питон Каа. Когда Александр понял, что к нему пришли не пить, а проходить обследование, он достал блокнот, взял ручку и с абсолютно серьёзным видом, который не изобразит и народный артист, спросил:

– Ваше ФИО.

– Пётр Николаевич Седых.

– Сколько полных лет?

– Тридцать восемь.

– На что жалуетесь?

– Волков вижу.

– Где, когда, при каких обстоятельствах?

– В первый раз на месте будущего химзавода, когда там капсулу закладывали.

– В лесу?

– Да.

– Ну это нормально, у нас водятся волки.

– Но это не обычный волк, он говорил со мной.

– По-русски?

– Да.

– И букву «рэ» выговаривал?

– Он не говорил, а общался телепатически.

– М-м-м, как интересно, – Александр записывал. – И что сказал?

– Что это земля наша. То есть ихняя, волчья то бишь.

– Замечательно!

– Что замечательно?

– Не отвлекайтесь. Употребляли ли вы перед этим нашим... контактом, спиртные напитки?

– Да.

– Сколько?

– Пару рюмок коньяка. Три... три рюмки.

– А если перевести в граммы?

– Сто пятьдесят.

– Продолжайте.

– Это всё по первому контакту.

– Так был ещё второй?

– Да.

– Как интересно! Где, когда?

– В парке Горького. Вчера.

– В нашем Приозёрском пэ-гэ?

– Да.

– Фантастика! – за это слово Демидова, потомка ещё тех Демидовых, хотелось задушить. – Волк был тот же самый?

– Да. И ещё один, точнее одна. Волчица.

– Она тоже говорила?

– Нет, просто стояла. Говорил только волк.

– Телепатически?

– Так точно. Сначала он мне попенял, мол, чего это я ни-

кому про волков не сказал.

– А вы не сказали?

– Ну, не то чтобы совсем не сказал, просто ведь если такое ляпнуть, то можно в дурку загреметь.

– В психиатрическую лечебницу.

– Я и говорю в дурку.

– Продолжайте.

– Я попытался, как мог, это объяснить волку, но волчара ни хрена не вошел в мои обстоятельства и заявил следующее, цитирую: «Мы будем убивать. Всех. Пока не поймёте. Скажи им это».

– И вы сказали?

– Пока написал вКонтакте.

– Это правильно. А перед контактом пили?

– Немного.

– Точнее.

– Пивка помаленьку в течение дня.

– Сколько бутылок?

– Две утром, потом три... – Седых стал загибать пальцы, –

...потом ещё одну и две в парке.

– Восемь.

– Выходит восемь.

– А может быть девять?

Петя задумался и стал ещё раз загибать пальцы.

– Восемь!

– Отлично.

– А как волки дошли до парка Горького?

– Ножками, я думаю.

– Вы так полагаете?

– Уверен.

– И их никто не видел?

– Да я их сам не видел! Пока они этого не хотели. Я моргнул и они появились.

– То есть они появляются по собственному желанию?

– Они просто живут, а вот нам показываются по их желанию. А так они невидимы.

– И как это объясняет физика?

– Не знаю я, как это объясняет физика! Конечно, они отражают свет, как и всё вокруг и должны быть видны всегда. Но они не видны. Видимо, они нам на мозги воздействуют так, что мы их не видим, то есть мы глазами то видим их, а вот мозгами – нет, но волки могут и снять пелену и тогда бах – мгновенно мы их видим там, где они и были, и их мы глазами видели, но мозгами не замечали.

– Потрясающе.

– Ещё есть вопросы?

– Нет.

– Я могу идти? – Пете хотелось выбраться из этих белых стен и окон с решётками.

– Секундочку, секундочку...

Затем эскулапы в белых халатах померили Пете пульс, давление, сделали энцефалограмму мозга, плюс к этому показывали разные пятна и Седых должен был описать, что он видит. На все вопросы он отвечал стереотипно: «Похоже на пятно от пролитого коньяка». Намеков врачи не понимали и выпить не предлагали. Изверги! Потом отпустили. Демидов сказал, что с такими показаниями Пётра Николаевича можно положить, а можно и не класть.

В этот же день Петя дал комментарий репортерам телеканала «Приозёрский». Он рассказал примерно то же самое, что и в дурке, только добавил жути и упирал на кровь, которая прольётся, если строительство химкомбината не остановят. Общались с ним молодые и незнакомые телевизионщики, соблюдая дистанцию. Как будто Петя прокаженный. Ну и он нанес симметричный ответный удар и выпить не предложил. Пусть на свои пьянствуют. Седых наговорил ещё пять-семь заявлений для всяких оппозиционных и зелёных радиостанций и интернет-изданий. Экологи отбрасывали фантастическую часть истории и вытаскивали из Пети экологическую тему, всякие чудачки интересовались контактом и расой волков-телепатов, способных исчезать и появляться по их желанию, а комбинат им был амбивалентен, ведь всякий уфолог знает, что химзавод – это не более чем груда камней,

которая скоро рассыплется, а вот волки-телепаты – это цимус!

Рокер даже поучаствовал в одиночном пикете. Маргарита Любимова – известная экоактивистка попросила. Сама она отбывала 15 суток ареста за несанкционированный митинг против строительства химкомбината. Плакат подогнал молодой неофит с горящими глазами и множеством анимешных значков на рюкзаке. Седых взял бумагу и встал на тротуаре. Его тут же заснял на смартфон полицейский, но не задержал. А вот неопита почему-то свинтили и увезли. Через полчаса Пете надоело стоять и он отдал плакат мужику, который подошёл за автографом и селфи. Мужик плакат бросил и он так и остался валяться на тротуаре... был ли какой-то толк от пикета? Седых себе таких вопросов не задавал.

Другой взгляд на Петин демарш сформировался в конторе. Снова чёрная машина везет его в ФСБ. Там полковник без лишних околичностей заявил, что если Седых думает отлежаться в дурке, то сильно ошибается. Враги народа машут кайлом в лагерях и приносят пользу государству. Потом его допросили. Он повторил версию о волках с телепатическими способностями и свойством быть невидимками для людей.

– Запомни, шпионы сидят, а не лежат! – на прощанье сказал полковник. – Свободен. (пауза, каких и в эмхатэ не делают) Пока свободен!

Петя снова вышел из конторы в сумерках души. Нет, времена сейчас цивилизованные. Раньше за разговоры о круг-

лой земле или говорящих волках его бы просто сожгли.

Но была и разница между первым визитом в ФСБ и вторым. На крыльце конторы его встретили репортеры и он дал ещё одно интервью. Вот она слава! Петя прикидывал, сколько он ещё протянет на свободе, но эта задача была явно сложнее, чем его умственные способности. Поэтому он зашёл в бар, где ему бесплатно налили, почти как узнику совести. И налили ещё.

Протяжно завывали волки. Петя бежал по тёмному лесу и чувствовал, что его догоняют серые. Но, осознав себя в кошмаре, от страшного сна можно избавиться: можно зарубить волков лазганом (лазерным пистолетом), а можно проснуться. Седых выбрал второй вариант и благополучно разлепил веки. Он лежал в постельке. Один. Веста сидела за компом и обрабатывала фотки.

Петя стало стыдно. Он подошёл к любимой и предложил любые свои услуги.

– Отстань! – Веста мазнула его ладонью по лицу.

Рокер осознал свою никчемность, ушёл на кухню с бумагой и ручкой и стал сочинять завещание...

Как-то Петя ехал в автобусе (да, и звёзды рока Приозёрного ездят в автобусах, потому что метро в столице автономной области нету, от слова «совсем») и на одной из остановок в салон зашла фифа, такая вся из себя: «Вселенная крутится вокруг меня», наряд фифы должен был поражать окружаю-

щих, для этого на пальце сверкало золотое кольцо с чернением, запястье украшали такого же цвета часики, тулово обтягивал умопомрачительный жакет из меха тушкана, который жалко обтрепывать в автобусе, а ноги завершались замшевыми ботиками – грозой пыльных улиц. Трещала фифа по соловому: «...мясо жёсткое не разжевать... (потом что-то прокота и питание, Петя так и не понял, кто не разжевал мясо – кот или фифа) мам... ну мам... у тебя есть деньги? Мам... ну дай денег, а то кредит за холодильник платить нечем...» – Седых чуть не сполз на пол от раздиравшего его смеха, слава Богу, фифа вышла из автобуса и больше он о её тяжёлой жизни ничего не узнал, а то мог бы запросто лопнуть.

В торговом центре или храме современного человека даже в середине рабочего дня наблюдалось большое количество бездельников. Ну ладно, Петю уволили, а кто остальные люди, почему они не трудятся на фабриках и заводах? А потом ещё эксперты триндят о падении ВВП. В одном из магазинов, где Седых искал дешёвую рубаху белую, чтобы ходить на собеседования, а то ведь в косухе покажешься и тебя заклеят сразу (разумеется, маскировка была нужна исключительно для тех людей, которые лично не знали Петю), он столкнулся нос к носу – волчье выраженьице! – с пресс-секретарем губернатора Алёной Северовой. Блондинка посмотрела сквозь Петю, она не заметила Петю, она отвернулась от Пети и пошла своей дорогой, а Петя пошёл своей. Оказывается, он уже персона нон грата или нерукопожатый, короче

носитель заразных бактерий и с ним лучше не разговаривать даже через марлевую повязку. Рубаху Петя так и не нашёл и решил, что к лучшему – нечего выёживаться и истощать и так худой семейный бюджет.

Петя немного стыдился возвращаться домой. Веста работала в фотостудии, сделала там новые локации и снимала с утра до вечера, а что полезного сделал он? Ходил по магазинам якобы за рубашкой? Гнев вскипел и пламя лизнуло зрачки. Огонь в сердце вылился в песню. Песню протестную: «Скоро семнадцатый год!» Причём, как и песня Цоя «Перемен» песня Седых была не о политике, она про перемены внутренние, про то, что нельзя лежать на диване, как Обломов, но почему-то новую песню группы Corner связали с обстановкой в стране. Долой партию воров и буржуев, даёшь ещё одну революцию, которая сметет кровавый режим с лица земли! Ни о чём подобном Седых не помышлял, но его ремарки про бытовую характер песни никто не слышал. Людей вообще мало интересует автор, они хотят видеть в произведение то, что хотят и остальное их не волнует.

Всяк наш шаг отзывается в вечности. После того, как песню «Скоро семнадцатый год!» группа Corner исполнила с большим успехом, после того, как хит стали крутить на местных, а потом и на федеральных радиостанциях, после того, как энтузиасты замастырили анимэшный и минималистский клип... к Пете потянулись ходоки...

Сначала пришли некие личности в футболках с надпи-

сями на разных нерусских языках, уговаривали поддержать несистемную оппозицию, принесли пиво и чипсы (предварительное условие беседы, так как Петя находился снова в похмельном состоянии), предлагали деньги (неофициально, конечно). Седых пошёл к холодильнику за водкой (своей), поход дал возможность подумать. Он вспомнил отца, который ни разу в жизни не продался, он вспомнил некоторых песенных дел мастеров, которые в нашей стране поддерживали различные политические структуры. Дурацкое пиво, зачем он его пил? То ли дело водка – честно и бойко ударила в голову, не подвела, родимая! Седых не набивал себе цену, сразу отрубил: «Спасибо, ребята, но я сам по себе». Последовал намек, не страдает ли Петя от злых чекистов, мол, мы всё поймем, кровавый режим задушил горло независимой песни и всё такое... На что рокер возразил, что у него всё в порядке, просто он политически несознательный элемент. На этом и разошлись.

Следующими пришли некие спортивные личности в футболках с солярными символами. Очень похожими на свастику. Петя так и спросил: «Вы что фашисты?» На что ему где-то час под водку объясняли, что нет, но нацисты в целом и Гитлер в частности не во всем ошибались. Пете были неинтересны частности, его дед воевал, бил фашистов и в хвост и в гриву и звание Героя Советского Союза не получил только из-за своего шепутного характера. Личности напирала на то, что Уралу хватит кормить Кавказ, Уралу хватит кормить

Москву и настоящим русским людям (предполагалось, что Петя тоже русский, хотя это далеко не проверенный факт) хватит кормить всяких черножопых, которые понаехали на святую Русь откуда ни попадя! За такой жаркое беседой всегда не хватает водки и Петя пошёл к холодильнику. Он вспоминал деда, который подбрасывал его высоко в небеса (бабка, видя, такое заходило в крике) и басовито рокотал: «Петя лётчик!» Как-то дед повел Петю на футбол и там напился (встретил однополчан) и потом, по дороге домой в подворотне их встретила какая-то шпана. «Не бзди, прорвёмся!» – сказал дед и так накостылял своей палкой (он хромал после ранения) оборзевшим блатным, что у тех татуировки синие враз поголубели. Двум, что достали перья, он сломал руки, одному выбил пол рта зубов вместе с фиксами. С дедом Пете никогда не было страшно. Дед никогда не болел и поэтому не умер, а ушёл прямо к ангелам. А Петя вернулся к демонам. Он сказал своё решительное нет. Тогда личности в футболках с солярными символами обмолвились, ходят де слухи, что Петя ссучился и работает на контору. На что Седых сказал: «Вот вам Бог, а вот порог!» Как раз из студии пришла Веста и драка при даме не состоялась. Благородные доны сохранили своё лицо.

Третьими пришли коммунисты, что ещё раз говорит о том, что коммунисты в России уже не те. Вот большевикам при Ленине не нужны были такие попутчики, как Петя. Эх, молодёжь! Не та, не та уже пошла, и так продолжается по-

следние пять-семь тысяч лет. Начали бодро, а был ли Петя пионером? Конечно, был. А был ли Петя комсомольцем? Уже нет. Далее пошла обработка, мол, справедливости нет, человек труда получает мало, любого могут уволить, тебе же эта тема близка? Петя уже и забыл, что его уволили, он работу искал, а не справедливость. В этот раз Петя даже к холодильнику не ходил и так всё было ясно. Ну, как можно быть коммунистам после культа личности Сталина и его кровавых репрессий? К тому же перед Вестой снова стало неудобно. Она в студии вкальвает, а он тут водку жрёт и хозяин вежливо попросил гостей на выход. Но Приозёрские коммунисты всё же использовали песню «Скоро семнадцатый год!» в своей агитационной кампании перед выборами в Госдуму. Группе заплатили сущие копейки. Такие суммы только пропивать, а потом уже покупать на свои и пить по-серьёзному. Вообще Петю тема алкоголя не отпускала. И не отпустила...

Петя решил всё выяснить раз и навсегда. Он договорился с Серёгой о встрече. Вахтер на проходной с вертушкой долго переписывал его ФИО из паспорта к себе в замусоленную тетрадь в клеточку, аккуратно разграфленную, в неё он, наверное, записывал посетителей во времена застойного социализма при Леониде Ильиче Брежневe (с большими бровями), а может, он тогда был бодр и весел, лабал в каком-нибудь ресторане джаз, а потом неудачно не продал Родину в перестройку и – как это часто бывает с лихими пиратами – залёг в тихой бухте у вертушки.

– По лестнице на третий этаж и направо... – прошамкал динозавр былых времен и захлопал прозрачными голубыми глазами (под густыми седыми бровями).

– Спасибо! – Пете никогда «спасибо» ни для кого не жалел. Он поднялся по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, а пролёты длинные – здание построили тогда, когда на высоте комнат не экономили. Но лет с тех пор минуло преизрядное количество, а ремонт запоздал. Обшарпанные стены, выбитые плитки на полу и не закрывающиеся разошедшиеся двери давали понять, что научное заведение переживает не лучшие свои годы.

Найти 315-й кабинет оказалось не просто, его не было ни на нечетной – что логично! – стороне после 313-го и до 317-го... ни на чётной стороне – бывают такие выверты в нумерации – между 314-м и 316-м. Можно, конечно, позвонить Серёге, но Петя решал задачки по мере их поступления. Он начал обходить этаж по правилу левой руки и в каком-то аппендиксе, спустившись с лестницы (то есть это получился какой-то то ли второй плюс, то ли третий минус этаж) обнаружил искомый кабинет №315 за штабелями картонных коробок, набитых всяким хламом. Он постучал и вошёл, не дожидаясь на то разрешения. Его бы никто и не дал. Серёга сидел в огромных наушниках за компьютером и барабанил ручкой по воображаемой ударной установке (в ритм не попадал, ибо слуха у него никогда не было – медведь в детстве потоптался на ушах, на обоих двух), а некая симпатная

дивчина втыкала в распяленную рядом с микроскопом крысу электроды. Оба – и Серёга и девушка – были облачены в белые халаты. Вообще в кабинете-лаборатории эклектично сочетались порядок и хаос: чистота царила на столах и рядом с приборами, и одновременно с ней творческий беспорядок и пыль правили бал на отдаленных стеллажах.

– Всем привет! – объявил себя Петя.

– А-а-а, Петюня! – проорал Серёга, снимая с себя наушники и вставая из-за стола. – Познакомься с нашей молодёжью. Это Зита.

– Я не Зита, я Рита! – уточнила девушка с суперкороткими чёрными волосами и множеством серёжек в ушах, так же нужно учесть гвоздик в носу и проколотый язык.

– Будет кому оставить наш бардак. Смотри! – Серёга указал куда-то, то ли на разрезанную крысу, то ли за внушительное декольте Риты, которое никак не скрывал халатик.

– Внушает! – так же неопределенно ответил Седых.

– Ну, выкладывай, зачем пришёл?

– Петя достал из заплечной сумки бутылку коньяка, колу и лимон.

– Эльклассико! Брависсимо! Серёга явно был на позитиве, а может быть на стимуляторах, кто их биофизиков разберёт. Он скомандовал ассистентке: – Лярвина иди сюда, коньяк будем пить!

– Я не Лярвина, я Маврина! – эти пикировки, вероятно, длились долгое время, как и возможный секс между препода-

давателем и аспиранткой. Во всяком случае, Седых такую аспиранточку мимо себя не пропустил бы.

– Ну, за науку! – сказал тост Серёга, когда разлили коньяк в одноразовые стаканчики, мужчины употребляли продукт чистый, Рита добавила в стаканчик колы. Выпили. Лимончик оттенил вкус дубовой бочки (некоторые говорят: «клопов»).

– А чего это у тебя под халатом – демоны что ли? – поинтересовался Петя.

– Майка.

– Но это же демоны, разве могут носить такие майки российские высокодуховные ученые?

– Только демоны могут жить на такую зарплату, которую платит ученым наше высокодуховное государство... Смотри, вот этот демон вполне симпатичный... – Серёга показал действительно демона-милягу.

Выпили ещё.

– Ладно, говори уже, зачем пришёл. Зиту можешь не бояться, она свой демон! – Серёга похлопал... ну, пусть будет по плечу, из которого сразу ноги растут – аспиранточка зазевалась, а рядом с таким матерым рукоблудом, лучше не зевать.

– Я Рита! – вывинтилась из полуобъятий шефа девушка, видимо, обладающая и другими талантами. Такую голой на ёлку не посадишь!

Выпили.

– Понимаешь, Серёга, я вижу волков, которых никто не видит.

– Знаю. К доктору Александру ходил?

– Ходил, не может помочь психиатрия.

– Потому что ни психология, ни социологи, ни прости Господи, соционика – точными науками не является. Запомни: Физика – царица наук!

Выпили.

– Так за тем и пришёл. Ну скажи мне, почему я вижу волков?

– Э нет, шалишь! – Серёга энергично помахал перед носом рокера своим длинным указательным пальцем. – Физика не отвечает на вопрос: «почему?», она отвечает только на вопрос: «как?»

– Ну, как я вижу волков?

– Щас, подожди секундочку... – Серёга пошаманил у компа и из динамиков донеслась музыка Прокофьева. – Струнный квартет, две скрипки и виолончель изображают пионера Петю (Рита, она же Зита прыснула смехом и подмигнула Пете), слушай внимательно, это про тебя Петюня, флейта – рисует птичку, но это не интересно... так где же волк?... вот! Волк – это волторны!

– Убери, убери эту нудятину! – взмолился Седых.

– Ладно, – смиловивился Серёга и поставил произведение еврейского композитора Рамштайна, а именно опус «Духаст».

Выпили.

– Сколько раз ты видел волков?

– Два. Один раз был один и один раз были два.

– Не части, говори яснее.

– Один раз видел одного волка и один раз видел обоих,

то есть волка и волчицу, всего два, а раз один. В сумме два раза, два волка.

– Пил до видений?

– Это не видения! Видел бы ты их клыки!

– Видел бы я их клыки, быстро бы проткнул серых своим джедайским мечом... а где меч... Лярвина, где мой меч?

– Я не Лярвина, я Маврина! – аспирантка метнулась в угол и из-за какого-то полуразобранного прибора достала настоящий джедайский меч. От усилий декольте у нее расстегнулось, она не спешила вернуть пуговку на место и мужчины оценили всё богатство в вырезе.

Серёга сделал пару выпадов с мечом, который не только светился, но и правильно гудел – всё по стандарту вселенной Star Wars.

Выпили. Вернулись к нашим бараном, точнее волкам.

– Рядом с тобой люди были, которые бы могли тоже видеть волков?

– Вроде, нет.

– Точнее?

– В первый раз точно нет, я в лесу хотел пописать, простите за интимные подробности.

– Секс был?

– С кем?

– Значит интима не было и нечего нам с Зитой головы морочить.

– Я Рита... – уже без энтузиазма заявила аспирантка.

Выпили. Серёга вместо очередного лимона закусил запахом с макушки Риты.

– ...а второй раз я видел волков в парке Горького, возможно, их кто-то кроме меня и мог увидеть, но не видел, иначе бы уж в прессе про это растрезвонили или на ютуб выложили.

– Вот! – перст физика устремился в потолок.

– Нужно видеодоказательство! Ты говоришь, что видел волков, а никто другой подтвердить не может. В таком случае нужен беспристрастный свидетель, а ещё лучше видеодоказательство. Понимаешь, я тебе, конечно, могу развести теорию о том, что какая-то неизвестный науки вид волков научился наводить на человека морок в эpsilon-окрестности больше нуля и таким образом быть невидимым для хомо сапиенсов, но это всё будет настолько...

Тут у физика закончились слова.

– Может, по пятьдесят? – предложил Петя.

– Заметьте, не я это предложил.

Выпили.

– ...так вот, пока волки, извини, Пётр Николаевич, есть только в виде твоих глюков или наблюдений, но и в том и в

другом случае они ничем не подтверждены. Попробуем пробить через гайцов, помнишь Герасимова? (Петя кивнул) Так он в гай чахнет, щас позвоним и уточним вопрос.

Выпили. Серёга набрал одноклассника по сотовому.

– Здорово, барин!

– ...

– Хватит взятки на работе пропивать, сделай полезное дело для науки!

– ...

– Нет, отрывать твою важную задницу от кресла не понадобится. Посмотри в архиве ваших видеонаблюдений за... (он уточнил у Седых число и назвал) мая, не попадались ли в объективы серые волки.

– ...

– Да, да, которых видел наш однокашник Петя, он сначала сексом и наркотиками занимается, а потом уж рок-н-ролла бабает на основе своих глюков.

– ...

– Да видел я волков! – заорал Седых.

– ...

– Да, он тоже тут физикой занимается.

– ...

– Ты не отлынивай, помнишь, как мы в соседском дворе вместе угнали мопед Карпаты, а отвечал перед родаками только я?

– ...

– Так что ни жмись и напруги там свою вертикаль власти, пусть новобранцы прошерстят видеоархив, если волки есть, сделай копию для нас.

– ...

– А разве я не сказал пожалуйста? Пожалуйста, мне не жалко и два раза сказать пожалуйста, для хорошего человека, хоть и гаишника на всю голову!

– ...

– И тебе не хворать.

Выпили.

– Так, это была команда с Бейкер-стрит, как говорил Шерлок Холмс, вряд ли они там волков найдут. – Серёга задумался. – Лярвина, принеси, пожалуйста, гугл-очки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.